

рон [т. е. именно её и должна была носить Ливия – Г.Х., О.А.]. Поверх неё, выходя из дома, женщины надевали *паллу*, плащ вроде мужской тоги (впоследствии – *лацерна* или *пенула*)» [9, 311-312].

Определённую модернизацию можно отметить у Р. Грейвза и при воспроизведении обращений к адресату в частных письмах. Последние в Риме составлялись обычно следующим образом: «В начале письма ставилось имя пишущего, затем имя получателя (в дательном падеже)... часто с прибавлением пожелания или поклоном... В конце письма стояло *salve* или *vale* (будь здоров!), часто также месяц и число с названием места, но подписи не было» [9, 322]. Императорская же чета в романе составляет свои послания в соответствии с нормами английского эпистолярного жанра: начиная с обращения: “My dear Livia\My dear Augustus”, – и с соответствующими подписями в конце: “Livia\Augustus” [12, 114-118]. Соответственно, в русской версии: «Дорогая Ливия!//Дорогой Август!», – и подписи: «Ливия//Август» [3, 171-175].

Подводя итог нашему исследованию, можно констатировать, что в целом языковые средства оригинала, создающие эффект стилистической модернизации, отражены в русском переводе достаточно адекватно. Вместе с тем, как отме-

чалось выше, в отдельных случаях перевод характеризуется большей степенью модернизации, что объясняется различной окраской в ИЯ и ПЯ некоторых лексических единиц, признаваемых в собственно лингвистическом плане эквивалентными.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Буасье Г. Собрание сочинений. В 10 т. Т. 2. Оппозиция при цезарях. – СПб: Иванов и Лещинский, 1993. – 368 с.
2. Влахов С., Флорин С. Непере译имое в переводе. – М.: Высшая школа, 1986. – 416 с.
3. Грейвз Р. Я, Клавдий: роман. / Пер. с англ. Г. Островской. – М.: Эксмо; СПб.: Домино, 2010. – 608 с.
4. Дворецкий И.Х. Латинско-русский словарь. – М.: Русский язык, 1976. – 1096 с.
5. Ключевский В.О. Лекции по русской истории, читанные на Высших женских курсах в Москве в 1872-1875 гг. – М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 1997. – 816 с.
6. Комиссаров В.Н. Современное переводоведение. Курс лекций. – М.: ЭТС, 2000. – 192 с.
7. Костюкович Е.А. От переводчика // Эко У. Имя розы. – М.: Кн. Палата, 1989. – С. 5-6.
8. Мусселиус В. Русско-латинский словарь. – СПб.: Издание К.Л. Риккерта, 1891. – 424 с.
9. Римские древности. Краткий очерк / Под ред. И.В. Алферовой. – Смоленск: Русич, 2000. – 384 с.
10. Шоу Б. Пьесы. – М.: Правда, 1985. – 352 с.
11. Grant M. Introduction \ Svetonius. The Twelve Caesars. – London: Penguin books, 2003. – XX. – 365 p.
12. Graves R. I, Claudius. – London: Vintage, 1999. – 400 p.

УДК 811.161.1/351.32/22

Ханбалаева С.Н.

Московский институт
экономических преобразований

СРАВНЕНИЕ КАК СЕМАНТИЧЕСКАЯ СФЕРА ОБУСЛОВЛЕННОСТИ (на материале русского, лезгинского и аварского языков)*

Аннотация. В статье говорится о том, что в конструкциях со сравнительными отношениями способ осуществления действия основного предиката обусловлен характером осуществления зависимой ситуации, поэтому не видим препятствий для отнесения этого значения к комплексу таксисных значений обусловленности.

Ключевые слова: таксисные отношения, обусловленность, сравнительные отношения, конверб.

S. Khanbalaeva

Moscow Institute of Economic Transformations
COMPARISON AS THE SEMANTIC SPHERE
OF STIPULATION (ON THE MATERIAL OF THE
RUSSIAN, LEZGIN AND AVAR LANGUAGES)

Abstract. The idea of the article is that in the constructions with comparative relations the way of action realization of the main clause is stipulated by the character of its implementation of the subordinate clause. So we do not see any obstacles to refer it to the complex of stipulation taxis meanings.

Key words: taxis relations, stipulation, comparative relations, converb.

* © Ханбалаева С.Н.

Некоторые лингвисты не включают значения обусловленности в число семантических признаков собственно таксиса. В.С. Храковский считает объединение в рамках категории таксиса признаков временного соотношения и признаков обусловленности широкой, *асемантической* трактовкой содержания таксиса. Он не находит семантической общности (инварианта) между этими группами значений и относит бипредикативные конструкции причинной, условной, уступительной и др. обусловленности к так называемому фоновому таксису. Эти конструкции имеют общую семантику, однако ситуации, выражаемые в их частях, попутно связаны таксисными отношениями. При этом жестких границ между этими группами В.С. Храковский не наблюдает, и все они имеют те или другие общие параметры [2003: 53]. Таксисные конструкции в дагестанских языках в такой трактовке описываются в работе Ю.В. Сидоренко [2001], который не выделяет отношения обусловленности в самостоятельные группы, рассматривая их как сопутствующие некоторым собственно таксисным отношениям.

В настоящей статье отношения обусловленности включаются в содержательную сферу категории таксиса в качестве самостоятельных разновидностей его семантических признаков, поскольку мы придерживаемся *широкой* интерпретации семантики таксиса, но при этом не считаем такую интерпретацию *асемантической*. Таксис – это не только временные отношения между компонентами полипредикативного комплекса, но и отношения обусловленности. Такой подход, на наш взгляд, подсказывается материалом самих охваченных анализом языков. Ср., напр., лезг.: *акуртIа лугьуда* ‘увидю **если**, скажу (передам)’ и *акурла лугьуда* ‘увидю **когда**, скажу (передам)’, – условная сопряжённость и временная сопряжённость по способу языкового оформления идентичны и в лезгинском языке, и в русских соответствиях. Препятствие для признания содержательного единства таксиса – констатируемое в таком случае отсутствие общего семантического инварианта между временными отношениями и отношениями обусловленности – устраняется, если признать инвариантным грамматическим признаком категории таксиса семантику *сопряжённости* ситуаций в интерпретации А.В. Бондарко [2001: 98-99].

Таким образом, основной и второстепенный предикаты таксисной пары могут быть сопряжены отношениями обусловленности между

действиями. Одна из двух соотнесённых ситуаций находится в зависимости от другой. В семантической сфере обусловленности выделяются значения причины, цели, условия, уступки, следствия, временной обусловленности, а также сравнения.

Сравнение предполагает установление схожести/несхожести соотносимых ситуаций, уподобление ситуаций основного и зависимого предикатов. В некоторых работах [Акимова, Козинцева 2002: 256-294] данный тип отношений не рассматривается в числе аспектуально-таксисных ситуаций, включающих элементы обусловленности. Не включены предложения со сравнительными отношениями в число сложноподчинённых предложений со значением обусловленности и в «Русскую грамматику» [РГ 1980, т. II]. Хотя при этом отношения обусловленности в целом интерпретируются так: “Обусловленность, или каузальность, то есть причинность в широком смысле слова, объединяет в себе такие значения, как предпосылка, основание, обоснование, подтверждение, доказательство, аргумент, довод, предопределённость, посылка, повод, предлог, стимул, целевая мотивировка. Весь этот круг отношений предполагает такую связь ситуаций, при которой одна служит достаточным основанием для реализации другой” [там же: 562].

При таком, достаточно широком, понимании отношений обусловленности можно, по-видимому, отнести к ним и отношения сравнения. Сравнительные отношения строятся на уподоблении двух ситуаций, сближаемых на основании объективного сходства или тождества, либо на основании субъективных ассоциаций. Ситуация, представленная в зависимой части, выполняет роль аналога, с помощью которого характеризуется или идентифицируется сообщаемое в главной части. При выражении так называемого достоверного сравнения, придаточная часть сообщает о ситуации, которой может соответствовать или не соответствовать характер реализации ситуации главной части предложения. Например: *Зачем Арапа своего Младая **любит** Дездемона, Как месяц **любит** ночи мглу?* (А. Пушкин). Особенно это ощутимо в тех случаях, когда ситуация придаточной части служит своего рода эталоном, которому соответствует действие главной части, например: *Если это радость, то **береги** её, как мать **бережёт** ребёнка* (К. Паустовский).

Наличие отношений обусловленности в сложноподчинённых предложениях, выражающих сравнение, подтверждается, видимо, самим

фактом неравнозначности, коммуникативной подчинённости придаточной части главной. В дагестанских языках такая коммуникативная несамостоятельность проявляется в том, что ситуация зависимой части предложения обозначается глагольными конвербами, не способными быть самостоятельным сказуемым. Однако такого рода обусловленность не предполагает отнесённости главного и зависимого предикатов к единому периоду времени и, следовательно, наличия между ними таксисных отношений: основное и зависимое действия относятся к разным временным планам и не связаны временными соотношениями.

“Русская грамматика” относит обсуждаемые предложения к выражающим, через сравнение, определительные отношения. Их разновидность – предложения с квалифицирующим значением. В них придаточное определяет действие или состояние, названное опорным глаголом, по внешнему проявлению или по способу (образу, методу) его осуществления [РГ 1980, т. II: 500-501]: *Она тщательно скатала записку в трубочку, как было скатано письмо* (К. Федин). Значение способа действия может конкретизироваться как значение соответствия действия тому, что считается нормальным, правильным, предпочтительным: *Он вёл себя, как я люблю, По правилам тогдашней старой чести* (М. Лермонтов).

Аналогичные конструкции лезгинского языка: (1) *Ученикри учителди (1)кьалурайвал (2)кхьена* (С.) ‘Ученики (2)написали так, (1)как показал учитель’. (2) *Вуна (1)атIузвай хьыз (2)атIузва зани* (С.) ‘Я тоже (2)режу, (1)как режешь ты’. В примере (2) зависимая конструкция строится при помощи сравнительной частицы *хьыз* ‘словно, будто, как’, присоединяемой к словам разных частей речи. А вот в примере (1) использован специальный конверб, обозначающий второстепенное действие, служащее своего рода образцом, по которому осуществляется основное действие, то есть основное действие осуществляется по аналогии со второстепенным.

В аварском языке Дж.С. Самедов [1996] различает придаточные сравнительные и придаточные образа действия. К последним относится, например, следующее высказывание: *Цогидал чаглазда щибго жо (1)бичIчIиларедухъ дос дида батIяб мацIалда (2)хабар бицана* (Сам.) ‘Другие люди ничего (1)чтобы не поняли’.

Конверб *бичIчIиларедухъ* ‘так чтобы не понимали (букв.: понимали-не-так)’ задаёт образ осуществления действия главного предиката:

таким образом, чтобы не поняли. Семантическую связь между целью и образом осуществления зависимого действия можно усматривать в следующем смысле: если способ осуществления действия главного предиката обозначается в зависимом предикате, то осуществление действия сообразно «предписанию» зависимого предиката есть своего рода и цель действия главного предиката. Типологическая параллель такой связи значений цели и образа действия обнаруживается и в лезгинском языке, один и тот же аффикс *-вал* образует конвербы, выражающие оба эти значения: *Пакамахъ фад (1)фидайвал машиндиз бензин (2)циз* ‘Утром рано (1)выехать чтобы, в машину бензин (2)залей’, ср. *Вач, килига. Вун (1)фидайвал ахпа зунни (2)фида гьанай* ‘Иди, попробуй. Ты (1)идти как будешь, потом и я (2)пройду там’.

К сравнительным придаточным аварского языка Дж.С. Самедов [Самедов 1996] относит предложения с союзами *гIадин* ‘как’, *киниги* ‘как будто, словно’: *Султан цойги нухаль ясалъухъ (2)валагьана гьелдаса жаваб (1)гьикъизе бокьараб гIадин* ‘Султан ещё раз на девушку (2)посмотрел, от неё ответ (1)получить хотел словно’.

Союз *гIадин* ‘как’ идентичен по своим характеристикам лезгинской сравнительной частице *хьыз* ‘словно, будто, как’, присоединяемой к словам разных частей речи. Эти единицы образуют аналитические конвербы сравнительной семантики. Сравнение выражается, на наш взгляд, и в следующем примере: *Кинабго (2)букIине буго гьес (1)ургъухъе* ‘Все (2)будет так, (1)как он задумал’. Это предложение отнесено к придаточным образа действия: образ того что будет сравнивается с образом задуманного.

Признаваемая инвариантным значением таксиса сопряжённость ситуаций основного и зависимого предикатов присутствует, по нашему мнению, и в конструкциях со сравнительными отношениями. Зависимой частью, конвербом, как бы предписывается «образец» осуществления ситуации, обозначаемой главным предикатом. Следовательно, можно говорить, что способ осуществления действия основного предиката обусловлен характером осуществления зависимой ситуации, поэтому не видим препятствий для отнесения этого значения к комплексу таксисных значений обусловленности.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Бондарко, А.В. Принципы функционирования грамматики и вопросы аспектологии/А.В. Бондарко – М., 2001.
2. Храковский В.С. Категория таксиса (общая характеристика)

- ка) // ВЯ. 2003, №2. - С. 32-54.
3. Сидоренко Ю.В. Типология придаточных предложений времени (на материале тюркских и дагестанского языков): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 2001.
 4. Акимова Т.Г., Козинцева Н.А. Зависимый таксис (на материале деепричастных конструкций) // ТФГ 1987. Л., 2002.
 5. РГ 1980, Т. II – Русская грамматика. Т. II. – М.: Наука, 1980.
 6. Самедов Д.С. Сложное предложение в аварском языке в сопоставлении с русским. – Дис. ... докт. филол. наук. – Махачкала, 1996.